Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания

Distr.: General
12 July 2013
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Сообщение № 431/2010

Решение, принятое Комитетом на своей пятидесятой сессии, состоявшейся 6–31 мая 2013 года

Представлено:	Я. (представлена адвокатом г-ном Оливером Брунетти)
Предполагаемая жертва:	заявитель
Государство-участник:	Швейцария
Дата представления жалобы:	31 августа 2010 года (первоначальное представление)
Дата настоящего решения:	21 мая 2013 года
Тема сообщения:	высылка заявителя в Турцию
Вопрос существа:	опасность применения пыток по возвращении в страну происхождения
Процедурные вопросы:	необоснованность утверждений
Статья Конвенции:	3

Просьба отправить на вторичную переработку

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятидесятая сессия)

относительно

Сообщения № 431/2010*

Представлено:	Я. (представлена адвокатом г-ном Оливером Брунетти)
Предполагаемая жертва:	заявитель
Государство-участник:	Швейцария
Дата представления жалобы:	31 августа 2010 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 21 мая 2013 года,

завершив рассмотрение жалобы № 431/2010, представленной Комитету против пыток г-ном Оливером Брунетти от имени Я. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, которая ему была представлена заявителем, ее адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

Решение согласно пункту 7 статьи 22 Конвенции против пыток

1.1 Заявителем является Я., гражданка Турции. Она утверждает, что ее высылка в Турцию будет представлять собой нарушение Швейцарией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Заявитель представлена адвокатом г-ном Оливером Брунетти.

1.2 Согласно правилу 114 (бывшее правило 108) своих правил процедуры (CAT/C/3/Rev.5) Комитет 3 сентября 2010 года обратился к государству-участнику с просьбой не высылать заявителя в Турцию, пока ее жалоба будет

* К настоящему прилагается текст особого (несогласного) мнения члена Комитета г-на Алессио Бруни.

находиться на рассмотрении Комитета. Государство-участник согласилось удовлетворить эту просьбу.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявителем является гражданка Турции курдского происхождения, которая родилась в Стамбуле. В 1997 году она начала работать в Месопотамском культурном центре (МКЦ) в Стамбуле, где вела уроки народных танцев. Она происходит из семьи, которая широко известна своими либеральными прокурдскими политическими взглядами и действиями.

2.2 Заявитель обладает удивительным внешним сходством со своей старшей сестрой X. Ее сестра вела очень активную политическую деятельность и вступила в ленинские партизанские отряды нелегальной Коммунистической рабочей партии Турции (ленинцев). За это она была объявлена в розыск полицией, которая регулярно искала ее у них дома, а также угрожала арестовать заявителя и тем самым принудить ее сестру X. сдаться. Сестра заявителя была арестована в 1995 году, и в полиции ее пытали, чтобы заставить рассказать о своей деятельности в интересах Коммунистической рабочей партии Турции (ленинцев). Поскольку она отказывалась давать показания, полиция вновь начала угрожать семье, чтобы вынудить X. заговорить. Заявителя держали под арестом в течение одного дня и избивали в полиции, пытаясь склонить ее сестру к даче показаний.

2.3 В 2001–2002 годах сестра заявителя участвовала в общенациональной смертельной голодовке политических заключенных и отказывалась принимать пищу в течение 180 дней. Для восстановления здоровья ее условно освободили из тюрьмы на шесть месяцев наряду со многими другими участниками голодовки. Она была вынуждена дать согласие на проживание дома у своих родителей, прекращение голодовки и возвращение в тюрьму через шесть месяцев. Несмотря на строгое наблюдение со стороны сил безопасности, семья сумела организовать бегство X. в Швейцарию. 31 октября 2003 года ей было предоставлено убежище в Швейцарии. В 2006 году турецкая полиция включила ее в список лиц, разыскиваемых Международной организацией уголовной полиции (ИНТЕРПОЛ). Узнав, что X. проживает в Швейцарии, турецкие власти 29 апреля 2008 года направили просьбу о ее выдаче; Швейцария отказала в этой просьбе, сославшись на принцип недопустимости принудительного возвращения.

2.4 После ареста сестры в 1995 году заявитель посещала ее в тюрьме по крайней мере раз в неделю, а во время голодовки ежедневно. При каждом посещении тюремная охрана задерживала заявителя. По завершении посещения ее всякий раз изолировали, подвергали личному досмотру, ощупывали лицо и брали отпечатки пальцев. По всей видимости, сотрудники службы безопасности подозревали, что она может воспользоваться своим внешним сходством с сестрой, чтобы заменить ее и позволить ей бежать из тюрьмы. За заявителем была установлена слежка и наружное наблюдение, и ее телефон прослушивался, т.к. власти видимо подозревали ее в той же деятельности, которой занималась ее сестра, и в том, что она стала выполнять ее работу в подпольном политическом движении. Их подозрения еще более усилились после того, как заявитель начала работать в МКЦ. МКЦ считается структурой Курдской рабочей партии (КРП) и находится под пристальным наблюдением турецких служб безопасности.

2.5 1 февраля 1998 года полиция вторглась в дом заявителя и арестовала ее. В течение семи дней ее держали под арестом с завязанными глазами, подвергали жестоким избиениям, в том числе в области половых органов, сексуальным надругательствам и лишали пищи. Ей предъявили обвинение в хранении незаконной листовки и участии в похоронах политического активиста, но освободи-

ли за отсутствием доказательств. Однако преследования со стороны полиции и органов безопасности продолжались. Ее регулярно на непродолжительное время задерживали, подвергали допросам и запугиваниям во время посещения ее сестры в тюрьме либо по месту работы.

2.6 После побега ее сестры в августе 2002 года полиция продолжила слежку за заявителем. Полиция была убеждена, что X. скрывается на территории страны и, по всей видимости, надеялась, что заявитель в конечном итоге приведет ее к ней. Полиция также опасалась, что заявитель воспользуется внешним сходством со своей сестрой, чтобы помочь ей свободно передвигаться. Кроме того, для оказания на X. давления с целью принуждения ее к сдаче использовалось запугивание. Вместе с тем сильные подозрения у властей стала вызывать и сама заявитель, причем не только из-за ее родственных связей с X., но и в силу ее собственной деятельности в МКЦ. Когда в 2006 году власти узнали, что X. покинула Турцию, слежка усилилась, поскольку заявитель стала единственным объектом наблюдения и так как ее подозревали в содействии бегству ее сестры и в выполнении ее заданий в подпольном политическом движении.

2.7 Под влиянием постоянной слежки и запугиваний, а также многочисленных арестов и издевательств у заявителя развились серьезные психические расстройства. Она боялась покидать дом и всякий раз при выходе на улицу опасалась, что ее могут опять арестовать и подвергнуть жестокому обращению. В 2002 году она обратилась в широко известный реабилитационный центр TOXAB, специализирующийся на лечении психических заболеваний у жертв пыток, и с 2002 по 2006 год проходила в нем программу реабилитации. В 2006 году она прекратила лечение из-за боязни слежки и ареста, поскольку TOXAB находился под наблюдением за активную правозащитную деятельность и борьбу против пыток.

2.8 Весной 2008 года заявитель решила, что более не может жить в таких условиях, будучи фактически узником в своем собственном доме и постоянно испытывая страх. Во время первомайской демонстрации 2007 года полиция арестовала ее племянницу и сказала ей, что их семью следует уничтожить. Адвокат настоятельно предложил заявителю в интересах ее собственной безопасности покинуть страну. Она организовала нелегальный отъезд в Швейцарию, куда прибыла 11 сентября 2008 года. Родители сообщали заявителю, что после ее бегства полиция неоднократно искала ее в родительском доме.

2.9 15 сентября 2008 года заявитель подала прошение об убежище. Она присутствовала на начальном слушании в Федеральном миграционном ведомстве 25 сентября 2008 года и на втором слушании 22 июня 2009 года. В тот раз в подкрепление своих утверждений она представила документальные доказательства[1]. 19 марта 2010 года Федеральное миграционное ведомство отклонило ее заявление. При этом оно указало, что, хотя заявитель действительно могла стать жертвой определенных угроз и запугиваний, степень интенсивности таких преследований в изложении заявителя представляется преувеличенной; со стороны турецких властей было бы нецелесообразно многие годы раз за разом подвергать ее преследованиям по одной и той же причине; при наличии подозрений несомненно было бы вынесено постановление о привлечении ее к ответствен-

[1] В частности, она представила газетные вырезки об арестах членов МКЦ; копии протоколов о ее аресте, обыске дома и конфискации; протокол ее допроса в управлении по борьбе с терроризмом; обвинительное заключение Верховного прокурора Государственного суда по вопросам безопасности в Стамбуле; газетные статьи о ее освобождении.

ности. Федеральное миграционное ведомство утверждало, что если заявителя действительно подозревали в пособничестве побегу ее сестры, то против нее было бы возбуждено уголовное дело. Кроме того, крайне маловероятным представляется ее утверждение о том, что ее задерживали всякий раз, когда она посещала свою сестру, поскольку такие действия тюремных властей выглядят совершенно неэффективными. Федеральное ведомство также указало на ряд несоответствий в утверждениях заявителя о различных периодах ее преследования властями. В итоге Ведомство пришло к выводу, что степень интенсивности и постоянства преследований в прошлом и, как следствие, их вероятности в будущем не является достаточно правдоподобной.

2.10 Затем Федеральное миграционное ведомство признало утверждения заявителя об аресте и жестоком обращении в 1998 году убедительными и подкрепленными значительными доказательствами, однако эти события произошли слишком давно для установления надлежащей причинно-следственной связи с ее нынешним прошением об убежище. Федеральное ведомство отметило, что до конца 1990-х годов в Турции действительно широко применялась практика преследований за прошлую нелегальную политическую деятельность лица и его родственников, однако в настоящее время дело обстоит иначе, и добавило, что положение в Турции существенно улучшилось после 2001 года и после того, как в 2005 году Турция ввела новые гарантии в отношении уголовного судопроизводства. В этой связи Ведомство полагало, что даже если допустить возможность применения полицейских мер в отношении лица, подозреваемого в контактах с разыскиваемым лицом или сотрудничающего с незаконными организациями, то в большинстве случаев такие меры уже не могут квалифицироваться как преследования, способные служить основанием для получения убежища. Федеральное ведомство признало события 1998 года и некоторые прошлые акты преследования достоверными, однако сочло неубедительным утверждение о том, что заявитель как и раньше будет подвергаться таким интенсивным преследованиям, о которых она заявляла. В итоге Федеральное ведомство не нашло доказательств того, что по возвращению в Турцию заявитель с существенной долей вероятности станет жертвой обращения, которое противоречит статье 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2.11 21 апреля 2010 года заявитель подала жалобу в Федеральный административный суд и представила в подтверждение своих утверждений дополнительные документы. Она подчеркивала, что преследования осуществлялись в несколько этапов, в частности параллельно с рассмотрением дела ее сестры и ее собственной работой в МКЦ. Соответственно, у полиции также было несколько причин для слежки, запугивания, арестов и жестокого обращения, включая оказание на ее сестру давления с целью принуждения к даче показаний; попытки помешать заявителю прикрывать свою сестру, пользуясь их внешним сходством, и подменять ее в нелегальной работе; принуждение к раскрытию информации о ее деятельности в МКЦ в интересах КРП; ее наказание за нелегальную деятельность ее сестры и ее бегство из страны. По поводу того, что она не была арестована за оказание сестре помощи в бегстве из страны в 2002 году, заявитель отметила, что ответственность за побег ее сестры возложили на нее, поскольку в силу их сходства сестра смогла свободно передвигаться и покинуть таким образом страну. Вполне понятно, что это обстоятельство не может являться уголовным преступлением и основанием для привлечения к уголовной ответственности.

2.12 Относительно неэффективности ее задержания при каждом посещении сестры в тюрьме, заявитель напомнила, что цель таких действий состояла в том, чтобы помешать ей заменить свою сестру в тюрьме и тем самым позволить

ей бежать. Она также привела различные аргументы для объяснения того, что вопреки мнению Федерального миграционного ведомства в ее утверждениях нет несоответствий. По вопросу о причинно-следственной связи между неоспариваемыми драматическими событиями 1998 года и ее бегством в 2008 году заявитель подчеркнула, что она, разумеется, выстраивала свое прошение об убежище не столько на основе этих событий, сколько на постоянных запугиваниях, угрозах, арестах и издевательствах со стороны сил безопасности, которым она подвергалась с того времени, как ее сестра начала вести нелегальную работу, вплоть до бегства заявителя из Турции в 2008 году.

2.13 Помимо этого, в своей жалобе заявитель выразила несогласие с мнением Федерального миграционного ведомства о том, что положение в области прав человека в Турции существенно улучшилось и что маловероятна опасность преследования за прошлую деятельность или деятельность близких родственников и сослалась при этом на недавние решения Федерального административного суда (например, решение от 8 сентября 2005 года, EMARK 2005/21), судя по которым, недавно внесенные поправки в законодательство Турции на самом деле не применяются; силы безопасности Турции все так же яростно преследуют членов курдских организаций; пытки все еще применяются настолько широко, что их пора признать стандартной официальной практикой; и члены семей подозреваемых курдских активистов по-прежнему находятся под угрозой жестоких репрессий. Она также сослалась на многочисленные недавние доклады международных и внутренних организаций о положении в области прав человек в Турции и представила в качестве подтверждающих документов доклады Международной амнистии (2009 год)[2], "Хьюман райтс уотч" (2010 год)[3] и Швейцарского совета по делам беженцев (2008 год)[4].

2.14 Заявитель в своей жалобе также указала, что после прибытия в Швейцарию у нее было несколько нервных срывов. В результате она утверждала, что с учетом ожесточенного преследования, запугиваний, арестов и жестокого обращения, которым она подвергалась до бегства из Турции за свою собственную деятельность и деятельность своей сестры, особого рвения, проявленного турецкими властями в попытках выйти через нее на ее сестру, того факта, что после ее бегства полиция продолжала искать ее в родительском доме, а также сохранения тяжелого положения в области прав человека в Турции, особенно в отношении курдских активистов и их родственников, ей будет угрожать серьезная опасность в случае возвращения в Турцию, а ее принудительное возвращение причинит серьезный вред ее слабому психическому здоровью.

2.15 5 августа 2010 года Федеральный административный суд принял постановление по существу данного дела, поддержав решение Федерального миграционного ведомства. Он подтвердил мнение Федерального ведомства, признав правдоподобными события 1998 года и определенные акты запугиваний, которым заявитель подвергалась позднее. Однако он не признал достоверность преследований, которым она якобы подвергалась после 2002 года, поскольку считал маловероятным, чтобы турецкие власти продолжали многие годы преследовать заявителя и до 2008 года не знали, что ее сестра получила убежище в Швейцарии. Тот факт, что за предполагаемую помощь своей сестре в бегстве из страны заявителю не было предъявлено обвинение, свидетельствует о том, что в связи с этим эпизодом турецкие власти считали ее невиновной. Суд полагал,

[2] Раздел "Турция" в *Докладе Международной амнистии за 2009 год: Права человека в современном мире*.

[3] "Хьюман райтс уотч", раздел "Турция" в *World Report 2010*, стр. 455–459.

[4] Швейцарский совет по делам беженцев, доклад по Турции (2008 год).

что заявитель выдумала существенные элементы своего преследования с целью подкрепить свое прошение об убежище, и признал, что ни ее утверждения, ни имеющиеся документы не указывают на то, что после своего возвращения в Турцию она столкнется с реальной опасностью обращения, противоречащего статье 3 Европейской конвенции о защите прав человека или статье 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В заключение Суд высказал мнение, что заявитель не страдает каким-либо заболеванием, которое могло бы помешать исполнению решения о высылке.

2.16 9 августа 2010 года Федеральное миграционное ведомство предложило заявителю покинуть Швейцарию до 6 сентября 2010 года.

2.17 Заявитель утверждает, что после ее выезда из Турции у нее произошло несколько нервных срывов. В июне 2010 года она обратилась к психиатру и стала проходить предписанную психотерапию. Известие о постановлении Федерального административного суда послужило причиной нервного криза, и психиатр изменил тактику ее лечения с целью его купирования. Согласно медицинскому заключению от 23 августа 2010 года, заявитель страдает депрессивными эпизодами с соматическими синдромами, диссоциативными конвульсиями с подозрением на посттравматическое стрессовое расстройство (во время представления жалобы диагноз не был окончательно установлен). В заключении указывалось, что состояние здоровья заявителя на тот момент не позволяло ей вернуться в Турцию. Боязнь ареста и жестокого обращения по возвращении в страну спровоцировала диссоциативные конвульсии. Ее возвращение в Турцию приведет к дальнейшему ухудшению здоровья и создаст серьезную опасность суицида. Это медицинское заключение 26 августа 2010 года было представлено в кантональное миграционное бюро в Базеле, которое занимается исполнением решений о депортации, наряду с просьбой о приостановлении ее высылки по медицинским причинам.

Жалоба

3.1 Заявитель считает, что ее высылка в Турцию станет нарушением статьи 3 Конвенции. По ее мнению, после возвращения она будет подвергаться задержаниям, допросам, запугиваниям и жестокому обращению со стороны полиции. Она также может стать жертвой системы постоянной слежки, преследований, задержаний и запугивания, от которой она пострадала в прошлом и которая стала причиной ее серьезных психических расстройств.

3.2 В обоснование своих утверждений заявитель напоминает: что a) в 1998 году она была арестована и в течение семи дней подвергалась жестокому обращению, что не оспаривают швейцарские миграционные власти; b) ее неоднократно задерживали на непродолжительное время при посещении сестры в тюрьме; c) за ней велась пристальная слежка, и она подвергалась запугиваниям и краткосрочным арестам с тех пор, как ее сестра стала участвовать в нелегальной прокурдской деятельности; d) она много лет работала в МКЦ, который, по мнению турецких властей, тесно связан с КРП; e) ее сестру приговорили к пожизненному тюремному заключению за нелегальную прокурдскую деятельность и за предполагаемое убийство полицейского, а просьба о ее выдаче из Швейцарии была отклонена на основании принципа недопустимости принудительного возвращения; f) турецкие власти знают или узнают после возвращения заявителя в Турцию о том, что она находилась в Швейцарии вместе со своей сестрой, в которой последняя получила убежище; g) многочисленные международные организации и недавняя практика Федерального администра-

тивного суда подтверждают, что положение в области прав человека в Турции в основном осталось неизменным, особенно применительно к курдам, и что использование произвольных арестов, жестокого обращения и пыток по отношению к лицам, обвиняемым в прокурдской деятельности, и к их близким родственникам по-прежнему следует считать стандартной практикой; h) она многие годы страдает психическим расстройством, в течение четырех лет лечилась в центре реабилитации жертв пыток ТОХАВ в Стамбуле и в настоящее время проходит курс лечения у психиатра, подтвердившего, что она не сможет выдержать еще один арест турецкими властями.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 16 февраля 2011 года государство-участник представило свои замечания. В ней приводится краткое изложение фактов по делу заявителя и ее утверждения в контексте рассмотрения ее прошения о предоставлении убежища, которые отражают информацию, представленную заявителем в пунктах 2.1–2.8 выше. Как отмечает государство-участник, заявитель утверждала в Комитете, что по возвращению в Турцию она подвергнется аресту и жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции. Она также утверждает, что страдает психическими расстройствами и что в случае возвращения ей угрожает серьезная опасность суицида. Государство-участник считает, что, за исключением утверждений о ее психических расстройствах, заявитель опирается на те же факты и утверждения, которые были представлены национальным властям, и не приводит никакой новой информации, которая бы поставила под сомнение решение Федерального миграционного ведомства от 19 марта 2010 года и постановление Федерального административного суда от 5 августа 2010 года.

4.2 Государство-участник отмечает, что статья 3 Конвенции запрещает государствам-участникам высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Для определения наличия таких оснований компетентные власти обязаны принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая в соответствующих случаях существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Государство-участник напоминает критерии, заданные Комитетом в его замечании общего порядка № 1 (1997) относительно осуществления статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22[5], в соответствии с которыми заявитель должен показать, что ему/ей будет угрожать личная, реальная и существенная опасность применения пыток в случае его/ее депортации в страну происхождения. Для установления такой опасности должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений; предполагаемые факты должны показывать, что такая опасность является серьезной. Государство-участник напоминает, что в пункте 8 замечания общего порядка Комитета предусматривается, в частности, необходимость учета следующей информации при оценке опасности высылки какого-либо лица: доказательства существования в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека; утверждения о применении в недавнем прошлом пыток или жестокого обращения и наличие полученных из независимых источников доказательств по этому во-

[5] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят третья сессия, дополнение № 44* (A/53/44 и Corr.1), приложение IX.

просу; политическая деятельность заявителя на территории или за пределами территории его/ее страны происхождения; существование доказательств, подтверждающих достоверность утверждений заявителя; и наличие соответствующих фактических неувязок в утверждениях заявителя.

4.3 В целях установления серьезных оснований полагать, что в случае принудительной высылки заявителю будет угрожать опасность применения пыток, Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, в частности существование в принимающем государстве постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. При этом такая оценка преследует цель определить, будет ли лично заявителю угрожать опасность применения пыток по возвращении в страну. Само по себе существование практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека еще не является достаточным основанием полагать, что данное лицо будет подвергнуто пыткам после его/ее возвращения в его/ее страну происхождения, и нужны дополнительные основания, чтобы признать опасность применения пыток по смыслу статьи 3 *предсказуемой, реальной и личной*[6]. И наоборот, как неоднократно подчеркивал Комитет в своих решениях, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека отнюдь не означает, что в каких-либо конкретных обстоятельствах то или иное лицо не может подвергнуться пыткам[7].

4.4 Государство-участник отмечает, что Комитет ранее уже имел возможность ознакомиться с сообщениями, в которых заявители курдского происхождения утверждали, что им будет угрожать опасность применения пыток при возвращении в Турцию. В том случае Комитет указал, что положение в области прав человека в Турции вызывает обеспокоенность, особенно в отношении радикальных сторонников КРП. Однако Комитет пришел к выводу, что по возвращении в Турцию заявителю будет угрожать реальная и личная опасность применения пыток только при условии существования дополнительных индивидуальных элементов, в частности важной политической деятельности в поддержку КРП, предъявления ей возможных политически мотивированных уголовных обвинений, и при условии выяснения вопроса о том, подвергался ли заявитель в прошлом пыткам[8]. При установлении политической деятельности или прошлых актов преследования Комитет в значительной степени опирается на то, имели ли они место в недавнем прошлом[9].

4.5 Государство-участник утверждает, что заявитель не продемонстрировала, что она столкнется с предсказуемой, реальной и личной угрозой применения пыток в случае возвращения в Турцию. Пытки или жестокое обращение, которым, как утверждает заявитель, она подвергалась в прошлом, являются одним из элементов, которые надлежит учитывать при оценке опасности их применения в случае ее возвращения в страну. Заявитель утверждает, что во время ее недельного нахождения под арестом в феврале 1998 года турецкие власти подвергали ее жестокому обращению. Швейцарские власти не оспаривают сам факт ареста заявителя в 1998 году, однако отмечают, что с тех пор прошло уже

[6] Выделено курсивом в соответствии с первоначальным представлением.

[7] Ссылка на сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, решение от 6 мая 2010 года, пункт 7.2.

[8] Ссылка на сообщения № 373/2009, *Айтулун и Гюклю против Швеции*, решение от 19 ноября 2010 года, пункты 7.6–7.7; № 281/2005, *Пелит против Азербайджана*, решение от 1 мая 2007 года, пункты 2.3, 7.3 и 11; № 135/1999, *С.Дж. против Нидерландов*, решение от 12 мая 2004 года, пункт 6.5; № 214/2002, *М.А.К. против Германии*, решение от 10 сентября 2002 года, пункт 13.6.

[9] Ссылка на *Н.С. против Швейцарии*, пункт 7.4; и *М.А.К. против Германии*, пункт 13.7.

более 10 лет. Соответственно, в результате изучения нынешнего положения заявителя швейцарские власти сочли, что она не установила причинно-следственную связь между событиями 1998 года и ее предполагаемым бегством из страны в 2008 году, и пришли к выводу об отсутствии в настоящее время опасности преследования в случае ее возвращения в Стамбул. Кроме того государство-участник напоминает практику Комитета, согласно которой возможное жестокое обращение в прошлом не может служить доказательством того, что в настоящее время существует опасность применения пыток по отношению к заявителю в случае его возвращения, особенно, если такие действия не совершались в недавнем прошлом[10].

4.6 Государство-участник заявляет, что, по утверждениям заявителя, она подвергнется преследованиям за прошлую политическую деятельность своей сестры и ее бегство в Швейцарию. Она также заявила, что ее подозревали в поддержке КРП из-за ее работы в МКЦ в Стамбуле, что также стало причиной ее преследования. Компетентные швейцарские власти не оспаривали факт задержания заявителя в 1998 году. Они также сочли убедительными ее утверждения о преследовании за деятельность ее сестры.

4.7 Федеральное миграционное ведомство отметило, что заявитель противоречит себе в том, что касается периода времени, в течение которого она подвергалась притеснениям со стороны турецких властей. Федеральное ведомство, в частности, считает маловероятным, чтобы заявителя арестовывали "при каждом" посещении ее сестры в тюрьме из-за их внешнего сходства. В таких обстоятельствах турецким властям было бы целесообразно принять меры для недопущения путаницы, тем более что в определенные периоды заявитель ежедневно посещала свою сестру в тюрьме.

4.8 Преувеличенными и недостаточно отражающими реальность были сочтены и другие утверждения заявителя. Она также заявляла, что на протяжении семи лет ее практически еженедельно арестовывали. По ее утверждениям, она многие годы подвергалась преследованиям, угрозам и слежке. Она утверждала, что почти ежедневно за ней велось наружное наблюдение и что ее преследования не прекратились даже после того, как полиция узнала об отъезде ее сестры за границу. Швейцарские власти считают нелогичным, чтобы полиция многие годы не оставляла попыток запугивания заявителя по одной и той же причине с той интенсивностью и настойчивостью, о которых говорит заявитель.

4.9 Государство-участник не видит причины отступать от мнения Федерального административного суда о нереалистичности того, что турецкие власти затратили столько сил на слежку и наблюдение за заявителем, особенно учитывая, что ее сестра уже покинула Турцию в 2002 году. На заседании 22 июня 2009 года заявитель утверждала, что в марте 2008 года она и ее семья уведомили полицию о выезде ее сестры из страны. Представляется вероятным, что своими утверждениями о постоянной слежке заявитель пытается установить причинно-следственную связь между событиями 1998 года и ее отъездом в Швейцарию в 2008 году.

4.10 По поводу утверждения заявителя о том, что ее подозревали в содействии бегству ее сестры, швейцарские миграционные власти справедливо отмечали, что она ссылается на обстоятельства, которые обычно служат основанием для обвинения в уголовном преступлении. Однако на нее не было заведено уголовное дело. Швейцарские миграционные власти в итоге пришли к выводу об от-

[10] Ссылка на замечание общего характера № 1, пункт 8 c) [sic], и сообщение № 326/2007, *М.Ф. против Швеции*, решение от 14 ноября 2008 года, пункт 7.6.

сутствии достаточной причинно-следственной связи между проблемами и преследованиями, от которых заявитель пострадала в 1998 году, и декларируемыми причинами бегства из страны в 2008 году. Акты преследования, которые заявителю удалось доказать швейцарским властям, имели место более чем за 10 лет до ее отъезда. Исходя из этого, Федеральный административный суд постановил, что проблемы, с которыми заявитель сталкивалась в 1990-х годах, более не имеют отношения к ее прошению о предоставлении убежища. Федеральное миграционное ведомство среди прочего указало, что положение в области прав человека в Турции за последние годы существенно улучшилось, особенно в связи с переговорами о присоединении к Европейскому союзу. По этим причинам Федеральное ведомство и Суд не признали вероятным, что в настоящее время заявитель подвернется преследованиям в Стамбуле.

4.11 Государство-участник напоминает, что в отношении заявителя не ведется никакого уголовного производства. Кроме того она не сообщала, что ближайшие члены ее семьи, включая проживающих в Стамбуле родителей, подвергаются преследованиям. И только в Комитете она утверждает, что полиция искала ее в родительском доме после ее отъезда из страны в 2008 году. Государство-участник отмечает, что заявитель не сообщает, что она ведет политическую деятельность в Швейцарии или сотрудничает с членами КРП в Турции либо в Швейцарии. Наконец государство-участник не может исключить того, что по ее возвращении в Стамбул турецкие власти могут допросить заявителя. Однако даже в этом случае ничто не указывает на то, что она подвергнется жестокому обращению или пыткам.

4.12 Государство-участник напоминает, что принцип недопустимости принудительного возвращения по смыслу статьи 3 Конвенции применим лишь в тех случаях, когда тому или иному лицу в случае его высылки или выдачи угрожает опасность подвергнуться пыткам по смыслу определения, содержащегося в статье 1 Конвенции. Любое другое обращение, от которого то или иное лицо может пострадать за границей, будь то даже бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, не подпадает под рамки статьи 3[11]. С учетом вышесказанного и в свете практики Комитета по рассмотрению других случаев высылки в Турцию государство-участник считает, что заявитель не может считаться лицом, которому угрожает реальная и личная опасность применения пыток по смыслу статьи 1 Конвенции в случае ее возвращения в Стамбул.

4.13 В связи с утверждениями заявителя о том, что она страдает психическими заболеваниями, в частности депрессией с соматическим синдромом, что у нее подозревают посттравматическое стрессовое расстройство и что она окажется под угрозой суицида в случае принудительного возвращения в Турцию, государство-участник с удивлением отмечает, что она не упоминала о проблемах ее психического здоровья в процессе рассмотрения ее прошения о убежище. На заседании 22 июня 2009 года она со всей ясностью заявила, что у нее нет никаких проблем со здоровьем. Более того, так и не доказана объявленная причина/происхождение психических расстройств у заявителя; предполагаемое посттравматическое стрессовое расстройство не может считаться веским доказательством ее преследования в Турции. В любом случае один лишь тот факт, что заявитель в настоящее время страдает психическими расстройствами, не может считаться достаточной причиной отказаться от ее депортации. Государство-участник напоминает позицию Комитета, согласно которой само по себе ухудшение физического или психического здоровья лица в связи с его/ее депор-

[11] Ссылка на сообщение № 201/2002, *М.В. против Нидерландов*, мнения, принятые 2 мая 2003 года, пункт 6.2.

тацией, при отсутствии дополнительных факторов, в целом не является достаточным основанием приравнивать это обстоятельство к унижающему достоинство обращению, которое противоречит Конвенции. Такая практика была подтверждена в целом ряде решений. Комитет отклонял сообщения, в которых заявителям удалось установить, что они пострадали от тяжелых посттравматических расстройств в результате жестокого обращения, а также сообщения, в которых обосновывалась опасность суицида в случае возвращения[12].

4.14 С учетом практики Комитета страдания заявителя не достигают требуемого уровня для воспрепятствования высылке, особенно учитывая, что в ее стране может быть обеспечено надлежащее лечение и что в Стамбуле имеются соответствующие доступные медицинские учреждения. Государство-участник в заключение указывает, что на случай угрозы суицида швейцарские власти принимают необходимые меры для обеспечения безопасности депортируемого лица, например, путем его высылки в сопровождении врача. Так, например, с учетом состояния здоровья заявителя Федеральное миграционное ведомство решило отложить ее высылку.

4.15 В свете вышесказанного государство-участник заявляет об отсутствии существенных оснований полагать, что по возвращении в Турцию лично заявителю будет угрожать реальная опасность применения пыток. Ее утверждения не позволяют считать, что в результате высылки она подвергнется предсказуемой, реальной и личной угрозе применения пыток. Вследствие этого ее высылка в Турцию не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Комментарий заявителя относительно замечаний государства-участника

5.1 20 апреля 2011 года заявитель представила свои комментарии. По поводу краткого изложения фактов государством-участником она пояснила, что крайне жестокое обращение в течение ее семидневного ареста в 1998 году было подтверждено убедительными доказательствами и что Федеральное миграционное ведомство и Федеральный административный суд однозначно признали упомянутое событие доказанным. Далее она уточнила, что ее опасения в связи с возвращением в страну вызваны двумя обстоятельствами: во-первых, следует ожидать, что сразу после въезда в Турцию полиция ее арестует и подвергнет допросам, запугиваниям и жестокому обращению. Во-вторых, следует ожидать, что она вновь станет объектом применения той же самой системы постоянной слежки, преследований, задержаний и запугивания, жертвой которой она была до бегства из Турции и которая явилась причиной серьезных проблем с ее психическим здоровьем. Относительно ссылки государства-участника на критерии, установленные в замечании общего порядка № 1 Комитета, она отмечает, что изложенный в пункте 8 c) критерий касается не только наличия независимых доказательств пыток, как это отмечено государством-участником, но и того, имело ли применение пыток какие-либо последствия. Такое уточнение весьма важно, поскольку она пострадала от таких последствий.

5.2 По поводу замечаний государства-участника о положении в области прав человека в Турции и его ссылки на предыдущую практику Комитета в отношении случаев высылки в Турцию (см. пункты 4.3–4.4 выше) заявитель вновь обратила внимание на индивидуальные особенности ее положения, которые усу-

[12] Ссылка на сообщения № 228/2003, *Т.М. против Швеции*, мнения от 18 ноября 2003 года, пункты 2.6, 2.8, 3.2 и 6.2; № 220/2002, *Р.Д. против Швеции*, решение от 2 мая 2005 года, пункты 3.3, 5.1 и 7.2; и решение № 227/2003, *А.А.С. против Швеции*, решение от 16 ноября 2006 года, пункт 7.3.

губляют реальную опасность и о которых говорится в ее жалобе. Кроме того, она вновь ссылается на правоприменительную практику Федерального административного суда, подтверждаемую его решением от 25 октября 2010 года (E-6587/2007), согласно которому турецкие власти по-прежнему применяют преследование родственников политических активистов (ниже именуемое "преследование семьи"), и такие репрессии могут служить причиной возникновения серьезной опасности по смыслу статьи 3 швейцарского Закона о предоставлении убежища. Суд также установил, что вероятность угрозы преследования семьи особо велика в случаях, когда политически активных членов семьи разыскивает полиция, а власти имеют основания полагать, что тот или иной родственник поддерживает тесный контакт с разыскиваемым членом семьи. Сославшись на многочисленные доклады международных организаций, Суд подтвердил, что, по сравнению с 2005 годом, положение в области прав человека в Турции в основном осталось неизменным. Исходя из этого, заявитель утверждает, что в ее случае Суд отступил от своей собственной предшествующей практики, в соответствии с которой в случае возвращения в Турцию она окажется под угрозой преследований.

5.3 Относительно довода государства-участника об отсутствии достаточной причинно-следственной связи между ее арестом в 1998 году и бегством из Турции в 2008 году заявитель напоминает, что в основание ее прошения об убежище положены не только события 1998 года, но и дальнейшие преследования и запугивания, которым она подвергалась до отъезда из Турции в 2008 году, а также опасность преследования семьи в силу ее близких родственных отношений со своей сестрой. Таким образом, события 1998 года являются одним из наиболее важных элементов для установления опасности применения пыток в случае ее возвращения в Турцию и должны рассматриваться в контексте тех постоянных преследований, которым она подвергалась до недавнего времени, а также существенной опасности преследования ее семьи, которой она подвергается. Соответственно ссылка государства-участника на дело *М.Ф. против Швеции* представляется необоснованной, поскольку в этом случае помимо сведений о жестоком обращении с заявителем за шесть лет до рассмотрения его дела Комитет не располагал никакой другой информацией о причине, по которой заявитель мог представлять интерес для органов власти.

5.4 Заявитель отмечает, что государство-участник в принципе признает ключевые элементы ее жалобы в части крайне жестокого обращения в 1998 году и ее последующего преследования со стороны турецких властей (хотя оно оспаривает степень интенсивности и продолжительность таких преследований), а также политической деятельности ее сестры, ставшей причиной возникновения серьезной опасности преследования ее семьи. Она оспаривает аргументацию государства-участника относительно противоречий в периодах времени, в течение которых она подвергалась преследованиям со стороны турецких властей, и настаивает на отсутствии таковых, как она это уже подробно разъяснила в своей жалобе на решение Федерального миграционного ведомства.

5.5 В ответ на замечания государства-участника о том, что ее утверждения о неоднократных задержаниях и преследованиях выглядят неубедительно (пункт 4.8 выше), что не представляется вероятным, чтобы турецкие власти многие годы преследовали ее и чтобы сама ее семья в 2008 году уведомила их о выезде ее сестры из Турции, (пункт 4.9), а также что она не привлекалась к ответственности за оказание своей сестре помощи в бегстве из Турции (пункт 4.10), заявитель повторяет аргументы, приводимые в ее жалобе на решение Федерального миграционного ведомства (см. пункт 2.11 выше), и добавляет, что отнюдь не исключает того, что тюремная охрана задерживала, обыски-

вала и подвергала ее издевательствам после каждого посещения сестры в тюрьме, исходя из того, что такие меры возымеют действие лишь в случае их неукоснительного применения без каких-либо исключений.

5.6 Заявитель утверждает что ни Федеральное миграционное ведомство, ни Федеральный административный суд не представили никаких доказательств в подтверждение предполагаемого улучшения положения в области прав человека в Турции и не высказали своего мнения о многочисленных сообщениях, в которых говорится об обратном. Она также напоминает, что мнения государства-участника по этому вопросу противоречат прецедентной практике Суда, о которой говорится выше, и ссылается на доклады Международной амнистии, "Хьюман райтс уотч" и Государственного департамента Соединенных Штатов Америки, которые были представлены в качестве доказательств[13]. Она также ссылается на заключительные замечания Комитета, принятые в ноябре 2010 года, в которых он вновь выражает серьезную обеспокоенность по поводу положения в области прав человека в Турции[14].

5.7 Заявитель оспаривает довод государства-участника, согласно которому она якобы только на заседании Комитета заявила, что полиция не оставляла попыток найти ее в родительском доме после ее отъезда из Турции летом 2008 года, поскольку она довела этот факт до сведения Федерального административного суда в своей жалобе. В ответ на мнение государства-участника, допускающего возможность ее допроса полицией по возвращении в страну, но не усматривающего каких-либо признаков того, что в результате этого она будет подвергнута жестокому обращению или пыткам, заявитель вновь обращается к аргументам, которые приводятся в пунктах 3.1 и 3.2 выше.

5.8 Заявитель утверждает, что она не сообщила о проблемах со здоровьем по прибытии в Швейцарию, так как надеялась, что они пройдут. Кроме того, ей трудно их обсуждать из-за самого характера ее психических расстройств, и она с трудом может признать их в ответ на общие вопросы, как это случилось во время ее заслушания швейцарскими властями. По поводу утверждения государства-участника о том, что причина ее проблем со здоровьем не была доказана, она ссылается на медицинское заключение, выданное ее психиатром 23 августа 2010 года, в котором указывается, что психические расстройства возникли у нее примерно в 2000 году после того, как в течение многих лет она посещала свою сестру в тюрьме и регулярно подвергалась арестам и запугиваниям, и после ее задержания и жестокого обращения с ней в 1998 году. В то время она страдала диссоциативными конвульсиями, мышечной ригидностью и потерей сознания, которые требовали ее срочной госпитализации. В заключении также сообщается о ее лечении в центре ТОХАВ с 2002 по 2006 год и упоминается, что в результате усиления слежки и преследований со стороны полиции после 2006 года она почти полностью перестала выходить из дома, что еще более усугубило проблемы ее психического здоровья и в конечном итоге вынудило ее покинуть Турцию в 2008 году. В Швейцарии она почувствовала себя ненужной, беспомощной и угнетенной, и ее преследовали воспоминания об унижениях, которым она подвергалась во время арестов и пыток в полиции. Она также чувствовала себя не в состоянии перенести какие-либо новые негативные события и боялась, что в таком случае она причинит себе какой-нибудь вред. С учетом

[13] Раздел "Турция" в *Докладе Международной амнистии за 2010 год: Права человека в современном мире*; Human Rights Watch, "Turkey" (сноска 3 выше); Государственный департамент Соединенных Штатов Америки, "2010 human rights report: Turkey".

[14] Заявитель видимо ссылается на заключительные замечания Комитета о Турции (CAT/C/TUR/CO/3).

упомянутых наблюдений психиатра заявитель считает установленным, что проблемы ее психического здоровья стали следствием обращения, которому она подвергалась в прошлом со стороны турецких властей.

5.9 Заявитель утверждает, что проблемы психического здоровья являются всего лишь одним из нескольких элементов, на которых строится ее жалоба по статье 3, и поэтому к ее случаю не относятся упоминаемые государством-участником решения Комитета, согласно которым при отсутствии дополнительных факторов состояние здоровья в целом не является достаточным основанием для приравнивания этого обстоятельства к унижающему достоинство обращению и, соответственно, для воспрепятствования ее высылке. Она не оспаривает, что в принципе в Турции можно получить надлежащую медицинскую помощь. Проблема же на самом деле состоит в том, что возвращение в атмосферу слежки и запугивания со стороны властей, которые и стали причиной ее психических расстройств, в принципе не позволит ей пройти в Турции надлежащее лечение.

5.10 Заявитель отвергает вывод государства-участника об отсутствии серьезных причин полагать, что она столкнется с реальной и личной угрозой применения пыток в случае возвращения в Турцию. Она считает, что существует множество обстоятельств, свидетельствующих в пользу существования такой опасности, как с точки зрения ее самой, так и с точки зрения положения в области прав человека в Турции в целом. Заявитель ссылается на документы, представленные в подтверждение существования реальной опасности подвергнуться пыткам по возвращению в страну, и отмечает, что государство-участник не прокомментировало некоторые из этих документов, например: a) письмо от 1 апреля 2010 года, в котором ее адвокат подтвердил, что до бегства из Турции она подвергалась жестоким преследованиям и что в случае возвращения ее жизнь и безопасность окажутся под угрозой; b) письмо центра TOHAB с подтверждением того, что она проходила курс лечения с 2002 по 2006 год; c) различные доклады международных организаций о положении в области прав человека в Турции. Она вновь подтверждает свои утверждения о том, что ее высылка в Турцию станет нарушением статьи 3 Конвенции.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Перед рассмотрением любых утверждений, изложенных в жалобе, Комитет должен определить, является ли она приемлемой согласно статье 22 Конвенции. В соответствии с требованием пункта 5 a) статьи 22 Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 В настоящем случае Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривало приемлемость представленной жалобы по каким-либо основаниям. Комитет считает, что утверждение заявителя согласно статье 3 является достаточно обоснованным, объявляет жалобу приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

7.2 Комитету надлежит решить, станет ли высылка заявителя в Турцию нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать ("refouler") какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему или ей может угрожать там применение пыток. Комитет должен установить, существуют ли серьезные основания полагать, что лично заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращению в Турцию. При оценке этой опасности Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Однако Комитет напоминает, что такая оценка имеет своей целью установить, угрожает ли лично данному лицу предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению.

7.3 Комитет напоминает свое замечание общего порядка № 1 об осуществлении статьи 3 Конвенции, в котором говорится, что "при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности" (пункт 6), однако он должен быть реальным и личным[15]. В этой связи в своих предыдущих решениях Комитет постановил, что опасность применения пыток должна быть предсказуемой, реальной и личной. Комитет также напоминает свое соображение общего порядка № 1, в соответствии с которым бремя доказывания возлагается на заявителя (пункт 5). В данном случае Комитет отмечает, что утверждение заявителя о том, что ей будет угрожать опасность применения пыток в случае ее возвращения в Турцию, основывается на следующих обстоятельствах: в 1998 году ее задерживали и пытали; она подвергалась кратковременным арестам при посещении своей сестры в тюрьме; после выезда ее сестры из страны в 2002 году за ней была установлена слежка, и при этом она стала жертвой преследований, запугиваний и задержаний из-за политической деятельности своей сестры и подозрений в том, что она воспользовалась их внешним сходством для содействия бегству ее сестры из Турции; ее собственная деятельность по линии Месопотамского культурного центра в Стамбуле; и опасность преследования семьи в связи с ее близкой родственной связью с ее сестрой.

7.4 Комитет отмечает, что, хотя арест и жестокое обращение с заявителем в 1998 году не оспариваются, государство-участник утверждает, что заявителю не удалось обосновать связь между этими событиями и ее выездом из Турции в 2008 году. Кроме того, государство-участник считает преувеличенными утверждения о многолетних постоянных преследованиях и слежке со стороны турецких властей, в том числе после выезда сестры заявителя из страны в 2002 году, и высказывает предположение, что власти приняли бы иные меры в том случае, если бы она представляла для них интерес.

7.5 Комитет напоминает, что в соответствии с положениями своего замечания общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника[16], но вместе с тем он не связан такими выводами и в соответствии

[15] См., в частности, сообщения № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, мнения от 14 ноября 2003 года, пункт 7.3; № 285/2006, *А.А. и др. против Швейцарии*, решение от 10 ноября 2008 года, пункт 7.6; № 322/2007, *Нджамба и Баликоса против Швеции*, решение от 14 мая 2010 года, пункт 9.4.

[16] См., в частности, *Н.С. против Швейцарии*, пункт 7.3.

с пунктом 4 статьи 22 Конвенции правомочен свободно оценивать факты на основе всех относящихся к каждому делу обстоятельств.

7.6 При оценке опасности применения пыток в рассматриваемом случае Комитет принимает во внимание арест заявителя и жестокое обращение с ней в 1998 году, а также утверждение о том, что она страдает психическими расстройствами вследствие жестокого обращения, которому она подвергалась в прошлом, и постоянных притеснений и преследований со стороны турецких властей. В этой связи Комитет указывает, что в качестве документальных доказательств заявитель представляет письмо реабилитационного центра TOBAX с подтверждением, что она проходила в нем лечение с 2002 по 2006 год, и медицинское заключение от 23 апреля 2010 года, выданное швейцарским психиатром, который, среди прочего, отмечает подозрения на посттравматическое стрессовое расстройство. Комитет также принимает к сведению доводы государства-участника о том, что заявитель не упомянула о проблемах с психическим здоровьем на слушаниях по вопросу о предоставлении ей убежища, что причина таких проблем не доказана, что предполагаемое посттравматическое стрессовое расстройство не может считаться значимым признаком преследования заявителя в Турции и что в Турции она может пройти лечение в связи с ее заболеванием.

7.7 Комитет напоминает, что применение в прошлом жестокого обращения и пыток является лишь одним из подлежащих учету элементов, и поэтому Комитету надлежит решить, угрожает ли в настоящее время заявителю опасность применения пыток в случае ее возвращения в Турцию. Признание того факта, что в прошлом она подвергалась пыткам, отнюдь не означает, что по прошествии 15 лет после этих событий она по-прежнему будет находиться в опасности применения пыток в случае ее возвращения в Турцию в ближайшее время[17]. В этой связи Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что до своего бегства в Швейцарию в 2008 году она была жертвой постоянной слежки, преследований, кратковременных арестов и гонений, однако при этом указывает, что она не предоставила каких-либо материалов в обоснование признания таких действий пытками. Кроме того, несмотря на заявления о том, что власти "по всей видимости" подозревали ее в выполнении функций своей сестры по линии подпольного политического движения, она не предъявила никаких свидетельств того, что ее хоть раз вызывали на допрос или вменяли ей в вину предполагаемое участие в деятельности КРП; не представила она и подтверждающую информацию в связи с утверждением о том, что полиция искала ее в родительском доме после ее бегства в Швейцарию. Комитет также отмечает, что заявитель никогда не утверждала, что проживающие в Стамбуле члены ее семьи подвергаются преследованиям в связи с бегством в Швейцарию ее сестры и ее самой. Не оспаривается также, что в отношении заявителя в Турции не выносилось судебного приговора, она не привлекалась к суду и не обвинялась в совершении какого-либо преступления; что она не вела активную политическую деятельность в Швейцарии; и что она не сотрудничала с членами КРП ни в Турции, ни в Швейцарии.

7.8 Комитет принимает к сведению представленную сторонами информацию об общем положении в области прав человека в Турции. Он учитывает содержащиеся в недавних докладах указания на определенный прогресс в деле соблюдения международного права о правах человека, на предпринимаемые Турцией усилия для обеспечения юридических гарантий предотвращения пыток и

[17] См., например, сообщение № 245/2004, *С.С.С. против Канады*, решение от 16 ноября 2005 года, пункт 8.4.

жестокого обращения в рамках текущей кампании "нулевой терпимости" в отношении пыток[18] и на сохранение тенденции к снижению количества и степени тяжести случаев жестокого обращения[19]. В докладах также сообщается, что поводом для обеспокоенности остается чрезмерное применение силы сотрудниками правоохранительных органов[20] и по-прежнему поступающая информация о случаях применения пыток[21]. Вместе с тем Комитет отмечает, что ни в одном из этих докладов не указывается, что в отношении членов семей активистов КРП принимаются особые принудительные меры и что они подвергаются пыткам. По поводу утверждения заявителя о том, что по возвращению в страну она подвергнется аресту и допросу, Комитет напоминает, что сама по себе опасность ареста и допроса не является достаточным основанием для вывода о наличии опасности применения пыток[22].

7.9 В свете вышеизложенных соображений Комитет считает, что представленные факты не позволяют ему сделать вывод о том, что возвращение заявителя в Турцию угрожает ей предсказуемой, реальной и личной опасностью применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции. Соответственно Комитет считает, что ее высылка в Турцию не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

8. Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, делает вывод о том, что высылка заявителя в Турцию государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет также издано на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

[18] Государственный департамент Соединенных Штатов Америки ,"Turkey 2012 human rights report", стр. 5.

[19] Европейская комиссия "Turkey 2012 progress report" (10 October 2012), стр. 19. Размещено по адресу http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/tr_rapport_2012_en.pdf.

[20] Там же, стр. 19 и 72.

[21] См. Государственный департамент Соединенных Штатов Америки, "Turkey 2012 human rights report".

[22] Сообщение № 57/1996, *П.К.Л. против Канады*, мнения от 17 ноября 1997 года, пункт 10.5.

Добавление

Особое (несогласное) мнение члена Комитета г-на Алессио Бруни

По моему мнению, принудительная высылка заявителя будет представлять собой нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания по следующим причинам:

a) из представленной Комитету информации следует, что заявитель принадлежит к семье, широко известной в Турции своими прокурдскими политическими взглядами и деятельностью, которые правительство считает незаконными. В 1995 году сестра заявителя была арестована за свою политическую деятельность в поддержку нелегальной Коммунистической рабочей партии и обвинена в убийстве полицейского в результате перестрелки, произошедшей во время ее ареста. Ее пытали и приговорили к пожизненному тюремному заключению. После ее временного условного освобождения на шесть месяцев в 2002 году она бежала в Швейцарию, где в 2003 году ей было предоставлено убежище. Турция обращалась с просьбой о ее выдаче, однако Швейцария отказала в этой просьбе, исходя из принципа недопустимости принудительного возвращения;

b) тот факт, что заявитель принадлежит к семье, члены которой разыскиваются турецкой полицией, и что она является сестрой лица, в экстрадиции которого государство-участник отказало, исходя из принципа недопустимости принудительного возвращения, является одним из элементов личной, реальной и предсказуемой опасности применения к заявителю жестокого обращения в случае ее возвращения в Турцию. В целях получения информации о членах ее семьи и их зарубежной деятельности она может быть арестована и допрошена и, вполне вероятно, подвергнута такому обращению, которое противоречит статье 1 Конвенции. Ей уже угрожали, когда полиция разыскивала ее сестру в 1995 и 2002 годах;

c) государство-участник утверждает, что проживающие в Стамбуле родители заявителя не подвергаются преследованиям. Это можно легко объяснить тем обстоятельством, что они живут в Стамбуле и поэтому не обладают никакими полезными сведениями из первых рук, которые они могли бы сообщить полицейским властям о деятельности других членов семьи за границей;

d) помимо этого заявитель будет представлять интерес для органов турецкой полиции по следующим причинам:

i) ее подозревают в использовании ее необычайного сходства со своей сестрой для содействия ею бегству. В этой связи уместно заметить, что из-за своего сходства она несколько раз подвергалась непродолжительным арестам при посещении своей сестры в тюрьме. Причиной таких арестов, вероятно, было стремление помешать ей заменить свою сестру в тюрьме и тем самым позволить ей бежать. Государство-участник полагает, что подозрения органов полиции относительно возможности использования заявителем своего сходства с сестрой для оказания ей помощи в побеге из тюрьмы должны были послужить основанием для возбуждения против заявителя уголовного дела. В этом не было необходимости до тех пор, пока полиция вела слежку за заявителем с целью зафиксировать ее

контакты с сестрой, однако такая необходимость возникнет в случае ее возвращения в Турцию.

ii) во время проживания в Турции заявитель с 1997 по 2004 год работала в Месопотамском культурном центре (МКЦ), который якобы принадлежит КРП и находится под пристальным наблюдением органов безопасности;

iii) после побега ее сестры в августе 2002 года полиция, как предполагается, в течение четырех лет следила за заявителем;

iv) 1 февраля 1998 года в связи с ее нелегальной деятельностью заявитель была задержана, содержалась под арестом в течение семи дней и подвергалась пыткам, а затем была освобождена за отсутствием доказательств. Государство-участник считает эти события и последующие преследования заявителя достоверными. Вместе с тем государство-участник не усматривает достаточной причинно-следственной связи между этими событиями и ее отъездом в Швейцарию в 2008 году. Однако представляется, что в следующих элементах просматривается вполне очевидная причинно-следственная связь: ее арест и жестокое обращение с ней в 1998 году, а также постоянная слежка и запугивания в период с 2002 по 2006 год являются коренной причиной ее психических расстройств, подтвержденных медицинскими документами. При анализе информации, представленной Комитету заявителем или государством-участником, никаких других причин возникновения этих проблем не выявляется. В этой связи следует напомнить, что с 2002 по 2006 год она проходила лечение в реабилитационном центре ТОХАВ, который специализируется на лечении психических расстройств у жертв пыток, а в 2010 году она также наблюдалась у психиатра. По вышеупомянутым причинам она вынуждена была искать страну, в которой могла бы жить, не испытывая постоянного страха. Такой страной для нее, по всей видимости, стала Швейцария, в которой нашла убежище ее сестра;

e) необходимо также отметить, что медицинское заключение от 23 августа 2010 года, выданное швейцарским психиатром, содержит ссылку на подозрения в посттравматическом стрессовом расстройстве. По мнению психиатра, состояние заявителя на тот момент не позволяло ей вернуться в Турцию;

f) государство-участник считает, что состояние здоровья не является убедительным признаком преследования в Турции, но и не исключает этого. В сочетании с вышеупомянутыми элементами данный элемент делает положение заявителя крайне уязвимым и подвергает ее опасности жестокого обращения или даже пыток в случае ее возвращения в свою страну;

g) в связи с этим уместно напомнить, что, согласно замечанию общего порядка № 1 Комитета "при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных заключений и подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности" (пункт 6). Представляется, что упомянутые элементы выходят за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений и что грозящая заявителю опасность является личной, реальной и предсказуемой, хотя степень вероятности не поддается измерению.

Известные случаи применения пыток и безнаказанности виновных, о которых говорится в заключительных замечаниях по третьему периодическому докладу Турции, который рассматривался Комитетом против пыток в ноябре

2010 года (AT/C/TUR/CO/3), и в заключительных замечаниях Комитета по правам человека по первоначальному Турции, который рассматривался в октябре 2012 года (CCPR/C/TUR/CO/1), наряду с другими фактами подтверждают, что в случае возвращения в свою страну заявитель окажется в опасном положении.

[Подпись] Алессио **Бруни**

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет также издано на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]